

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

МИГРАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Н.А. Ткачёва

Кафедра социальной работы
Тюменский государственный нефтегазовый университет
ул. Володарского, 38, Тюмень, Россия, 62500

В условиях усложнения международных миграционных процессов важнейшим фактором развития личности, общества и государства выступает сохранение национальной безопасности. В статье рассматриваются особенности этносоциальных отношений мигрантов и членов принимающего общества, раскрывается сущность новой категории «миграционная безопасность».

Ключевые слова: миграция, этносоциальные конфликты, миграционная безопасность.

В современном российском обществе продолжается поиск наиболее оптимальной демократической модели развития государства и анализируются проблемы достижения национальной безопасности страны. Национальная безопасность является одним из основных факторов стабильного развития государства и общества. Процесс глобализации, охватывающий и современную Россию, ставит новые задачи в преодолении угроз безопасности личности, социальных групп, общества и государства, в том числе в области этносоциальных отношений, связанных с усложнением миграционных процессов.

Следствием усиления масштабных перемещений мигрантов является всевозрастающее этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие социумов. Данные процессы детерминируют напряжение между местным населением и мигрантами, которые по этническим, конфессиональным, социальным, культурным параметрам могут существенно отличаться от членов принимающего сообщества. Это напряжение фиксируется сегодня во всем мире, но особенно опасно для многонациональной России в период радикальных социальных трансформаций. Изменение этнического состава территорий приобретает масштабный характер и сопровождается социальными конфликтами. Неконтролируемость миграционных потоков предопределяет рост негативного отношения к мигрантам и в России.

Угрозы национальной безопасности в миграционной сфере формируются в сознании значительной массы рядовых граждан страны, транслируются массмедиа и публичными политиками, приобретая иногда мифологический характер.

Ксенофобии и мигрантофобии, в свою очередь, усиливают неуверенность человека в своем положении, в правах, доступности средств существования, формируя чувство страха и все большей социальной незащищенности. Ряд исследователей связывают рост этнофобий в период трансформации общества с комплексом социальных обид, принимающих форму этнически окрашенного протеста. Л. Гудков подчеркивает, что именно «социальный и национальный ресентимент стал одним из основных факторов, активизировавших прежде подавляемую смесь ксенофобии и агрессивного изоляционизма» [5. С. 62].

Считаем возможным также соотнести этнический и социокультурный негативизм с чувством социальной незащищенности россиян. Проблема незащищенности перед опасностями и угрозами имеет немаловажное значение в формировании вектора социальных процессов и общей системы ценностных ориентаций общества. В борьбе за выживание трансформируется восприятие окружающей действительности, начинается активный поиск «врага», «виноватого», что способствует закреплению в сознании значительных групп российского населения ксенофобии как ценностной установки. По мнению Л.М. Дробижевой и О.В. Щединой, «если увеличивается разрыв между притязаниями личности и возможностями их удовлетворения, агрессивные установки возрастают» [6. С. 15]. К аналогичному выводу пришли Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. Социологи связывают экстремизм в молодежной среде с тем, что молодежь, как становящийся субъект общественного воспроизводства, характеризуется неполнотой социального статуса, маргинальностью социальных позиций, неопределенностью социальных идентификаций. Это нередко приводит к выбору экстремальных форм защиты [8. С. 41]. Находят одобрение среди молодых людей и взгляды радикальных русских националистов, выступающих против роста численности мигрантов и лиц нерусской национальности в России.

В такой ситуации миграционная и национальная политика рассматривается властями и общественностью в неразрывной связи. Сложился своеобразный политический и общественный консенсус в отношении необходимости жесткой национальной и миграционной политики [10. С. 63]. В то же время реальные и серьезные проблемы, обусловленные интенсивными миграционными потоками, необходимо решать путем проведения конструктивной миграционной государственной и региональной политики. Вопросы же интеграции этнических меньшинств в общество целесообразно рассматривать в рамках программ региональной национальной политики, которые финансируются, как и программы борьбы с незаконной миграцией и борьбы с преступностью, из региональных бюджетов.

Формирование адекватной миграционной и национальной политики осложнено системной модернизацией социально-политических, социально-экономических, социально-этнических, социально-культурных процессов в российском государстве. В условиях трансформации реальная практика функционирования

государства выявляет противоречие между управленческо-бюрократической и политико-реформистской деятельностью государства. Именно в последствиях конфликта этих двух сторон государственности находится главная угроза эффективности реализуемой политики в области национальных интересов, в том числе в миграционной сфере.

Для преодоления указанного противоречия большое значение имеет введение в дискурс национальной безопасности понятия «миграционная безопасность», его всесторонний анализ. Содержание понятия «миграционная безопасность» возможно обосновать и сформулировать, опираясь на существующие в других областях науки подходы к категории «безопасность», а также на некоторые общие подходы в социологии, антропологии, конфликтологии, демографии.

Миграционная безопасность в узком смысле есть способность миграции обеспечивать эффективное удовлетворение потребностей общества в человеческих ресурсах (трудовых, интеллектуальных) и их эффективном межрегиональном перераспределении. Это предполагает, с одной стороны, защищенность национальных интересов, с другой — готовность и способность институтов власти создавать механизмы регулирования миграционных процессов для защиты как интересов принимающего общества, так и безопасности мигрантов. Отсюда миграционная безопасность в широком смысле обеспечивает устойчивое функционирование и воспроизводство принимающего сообщества, его индивидов, включая мигрантов, поддерживаемое с помощью особой институциональной среды.

Таким образом, миграционная безопасность выступает как один из видов безопасности личности, общества и государства. Дискурсивная природа этого явления показывает, что миграционная безопасность связана с социальной, экономической и культурной областями жизни. Она обеспечивается при помощи прогноза миграционных процессов в рамках страны или региона и поддерживается за счет реализации прав индивидов и групп как мигрантов, так и членов принимающего сообщества, а также институционализированной государственной миграционной политики.

Прогнозирование последствий миграций в контексте национальной безопасности предполагает инструментальный подход, при котором миграционные процессы оцениваются с позиции их вклада в решение проблем пополнения трудовых ресурсов, заселения депрессионных регионов, демографического развития общества. В то же время в современных условиях особое значение приобретает ценностная оценка миграционной безопасности с точки зрения, во-первых, влияния миграционных потоков на национальную безопасность принимающих и отдающих стран; во-вторых, безопасности самих мигрантов и членов принимающего сообщества; в-третьих, влияния миграции на социальный потенциал мигрантов и их роли в формировании человеческого капитала государства-реципиента; в-четвертых, социальной мобильности населения в процессе перемещения между различными регионами страны и мира в целом.

Следовательно, структурными элементами миграционной безопасности выступают: регулируемость миграционных потоков, их социально-экономическая и социально-политическая целесообразность; защита прав мигрантов; защищенность принимающего сообщества от угроз нерегулируемой миграции.

Проблемы миграционной безопасности нашли некоторое отражение в принятом в 1992 г. Законе «О безопасности», в Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Закономерно была выделена связь между миграцией, с одной стороны, и национализмом и сепаратизмом, с другой. Однако вне правового поля оказались другие угрозы, связанные с миграцией. Более того, не введено понятие «миграционная безопасность», не выделена проблема безопасности самих мигрантов. В новом варианте концепции безопасности негативная оценка миграции сохранена: «Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов» [11]. Здесь неправомерно поставлены в один ряд взаимозависимые, но различные явления — «неконтролируемая миграция», «этноцентризм» и «шовинизм», каждое из которых по-своему оказывает влияние на безопасность. Такой подход ориентирует государственные структуры на пресечение незаконной миграции, в то время как целесообразно регулировать современные миграционные процессы, в том числе их последствия, в сфере социокультурных и этнических отношений.

Непроработанность в Концепции проблемы субъекта безопасности особенно отчетливо просматривается в контексте миграционной безопасности. Мигранты и их сообщества рассматриваются лишь как объект попечительства, а не как активный субъект воздействия на безопасность. «Пренебрежение возможностями людей и конкретно мигрантов влиять на собственную безопасность и на безопасность общества и государства напрямую сопряжено с отсутствием миграционной политики и четкого миграционного законодательства», — подчеркивает В.Г. Гельбрас [3. С. 117].

В реальной практике мигранты выступают субъектом и объектом безопасности. В первом качестве неконтролируемый поток мигрантов может дестабилизировать рынок труда, усилить нагрузку на социальную сферу, усложнить этнонациональные и конфессиональные отношения, снизить культурные стандарты, стать источником повышенной социальной агрессии. При этом мигранты оказываются источником повышенной опасности для принимающего населения тогда, когда не обеспечена их собственная безопасность, они не охвачены системой социальной защиты, права их в должной мере не охраняются законом. Это позволяет сделать вывод о том, что вытеснение мигрантов в нижние социальные страты усиливает угрозы безопасности как принимающего сообщества, так и самих мигрантов.

В свете сказанного деятельность по обеспечению миграционной безопасности приобретает двустороннюю направленность. С одной стороны, в указанной деятельности происходит изменение объекта опасности — миграции — и связанных с ним обстоятельств в соответствии с охранительными потребностями принимающего общества и государства. Миграционные потоки как объект опасности приобретают качественно иное содержание, становятся регулируемыми, что способствует развитию субъект-объектных отношений и переводу их в плоскость субъект-субъектных связей.

С другой стороны, изменяя опасный объект и связанные с ним обстоятельства, принимающее государство одновременно получает знания о данном объекте, формирует навыки противостояния угрозам, исходящим от него, совершенствует средства и методы защиты (формируя и проводя эффективную миграционную политику), воспитывает и образует себя как субъект безопасности (приводя в соответствие миграционную политику и миграционные потоки в контексте потребностей принимающего государства, общества и личности). При этом субъект осваивает не только то, что ему противостоит в качестве угроз и опасности, но и осознает, что объект опасности выступает и субъектом в лице мигрантов (и/или групп мигрантов).

Рассматривая миграционную безопасность как процесс, реализуемый в конкретной деятельности с реальными субъектом и объектом безопасности, нельзя не заметить определенную ограниченность современного подхода к решению проблем миграционной безопасности. В реализуемой сегодня миграционной политике как условия безопасности, обнаруживаются два взаимосвязанных процесса, характеризующих структурную динамику этой деятельности. Во-первых, это субъективация, т.е. восприятие субъектом опасных обстоятельств, угрожающих его социальной деятельности, выработка цели (плана, программы) политики по их нейтрализации, формирование прогнозируемого результата достижения этой цели. Во-вторых, это объективация, т.е. процесс реализации в конкретных практических действиях политики устранения опасных обстоятельств. Однако природа такого явления, как безопасность, не ограничивается двумя названными последовательно взаимосвязанными процессами. Обоснованно замечание М.Ю. Гаранина о том, что в социальной действительности основным источником угроз и опасностей является человек: «исходящие от него угрозы и опасности имеют тенденцию к приращению — удвоению, утроению...» [2. С. 59].

Итак, процесс безопасности как социальной деятельности выступает в виде череды повторяющихся субъективаций и объективаций, переходящих от одного субъекта безопасности к другому, причем субъект безопасности и объект опасности меняются в этом процессе местами, поскольку действие всегда вызывает противодействие.

Для понимания необходимости новых подходов к политике как процессу в сфере миграционной безопасности необходимо обратиться к понятию «вторичная субъективация», по Л.А. Зеленову [5]. Главное назначение вторичности субъективации — предусмотреть в целеполагании обратимость результата процесса объективации. Применительно к миграционной безопасности — предвидеть «возвратность» действий со стороны объекта опасности и, упреждая их, соответствующим образом скорректировать миграционную политику, обеспечивающую безопасность как принимающего общества, так и самих мигрантов.

Субъективация, как структурный элемент процесса безопасности, по сути, представляет собой идеальную деятельность субъекта (идеальную модель, по М. Веберу), в которой активность последнего проявляется в форме познания и оценки объекта безопасности, вычленения объекта опасности и их воспроизведения в цели защитной деятельности. Соответственно, сознательный, целена-

правленный характер деятельности в сфере безопасности предваряется процессом формирования программы действия, формулирования идеального результата достижения этой программы, в нашем случае — миграционной политики.

Проблема миграционной безопасности не исчерпывается характеристикой субъектно-объектного отношения. Не меньший интерес представляет исследование самого процесса миграционной безопасности, таких его структурных элементов, как цель, средство и результат.

Согласно М. Веберу, социальными действиями являются только те поведенческие акты, которые носят преднамеренный характер, являются мотивированными, т.е. осуществляются во имя определенной цели, связаны с анализом, выбором определенных средств, способствующих достижению цели в данной ситуации, в конкретных условиях [1. С. 611].

Неслучайно в традиционном понимании цель определяется как идеальный образ будущего результата деятельности. Цель детерминирует характер структурных элементов деятельности по достижению безопасности. С одной стороны, она отражает охранительные потребности, мотивы, интересы субъекта безопасности, поскольку именно он ставит перед собой цель защиты от опасного объекта. С другой стороны, цель характеризует и объект опасности, на который направлены заложенные в цели преобразующие действия, а также сам процесс защитной деятельности. В то же время причинная связь цели с объектом защиты выражается в его трансформации в результат. Если конечный результат защитной деятельности в сфере миграционной безопасности совпадает с поставленной целью, то деятельность может считаться реализованной. Совпадение результата защиты с целью миграционной безопасности и свидетельствует о том, что защитные действия были целенаправленными. Таким образом, цель можно рассматривать как организующий момент всех действий субъекта.

Объективизация цели миграционной безопасности, ее развертывание в результат деятельности по устранению опасности невозможно без средств. Средства миграционной безопасности включают правовую базу, интегрирующую документы международного, государственного и регионального уровней, кроме того, естественное право, корпоративные нормы; специализированные социальные институты, предназначенные для обеспечения безопасности, в том числе религия, мораль и другие социальные регуляторы; ситуационные средства безопасности — средства массовой информации, общественное мнение, органы власти, негосударственные образования, социальная деятельность индивидов и групп; а также знания, умения, опыт и методы, используемые субъектом для выработки цели защитной деятельности и ее реализации на практике. В конечном итоге средства миграционной безопасности включают весь опыт и культуру членов принимающего общества и мигрантов по обеспечению безопасности жизнедеятельности.

Итак, анализ структуры миграционной безопасности как деятельности, направленной на преодоление социальных конфликтов, угроз и опасностей для принимающего общества, его членов и мигрантов, показывает, что специфика миграционной безопасности обнаруживается во всех структурных элементах защитной

деятельности, но главное — в объекте опасности, в качестве которого выступает не только миграция как процесс, но и поведение мигрантов и членов принимающего сообщества, их деятельность, поступки, действия. Общество через процесс субъективации определяет, какое поведение опасно. Опасность, исходящая от принимающего общества, проявляется прежде всего в виде нарушения законных интересов, прав и свобод его граждан и мигрантов. Следовательно, обеспечение миграционной безопасности в обществе во многом есть защита субъектом своих законных интересов, целей, прав, при этом защитная деятельность направлена против поведения людей или специализированных институтов, в том числе органов власти, представителей силовых структур, нарушающих интересы и права членов принимающего сообщества и мигрантов.

Вышесказанное позволяет прийти к выводу о том, что реализация в полном объеме миграционной безопасности как фактора преодоления социальных конфликтов не осуществима без взвешенной эффективной миграционной политики. В проблемном поле анализа миграционной безопасности отчетливо проявляется связь миграционных процессов и состояния государственности России. Следует осознать, что не только миграция влияет на судьбу российского государства, но и качество российской государственности в значительной мере воздействует на миграционные процессы. Способность государства использовать управленческий инструментарий отражается в соответствующей миграционной политике [4. С. 18]. Неслучайно миграционная политика в каждом национальном государстве постоянно изменяет свои параметры, демонстрируя не столько изменчивость технологий, сколько реальные способности государства по регулированию миграционных процессов.

Действительно, если анализировать проблемы практического регулирования миграции, то нельзя не заметить, что возросшие масштабы передвижения людей, нарастание рисков, конфликтного противостояния, переплетение интересов принимающего общества и мигрантов, власти, бизнеса и общества, в конечном счете, проявляются в способности государства отражать все эти явления в своих ориентирах и целях, учитывая опыт и ошибки прошлого. Следовательно, развитие и реализация миграционной политики во многом есть способ адаптации государства к наиболее существенным изменениям данной проблемы и самого общества [12. С. 6].

Более того, именно миграционная политика маркирует способность государства к субъективации как структурному элементу процесса безопасности, поскольку без познания и оценки объекта безопасности, вычленения объекта опасности невозможны прогнозирование и профилактика социальных конфликтов. Государственная миграционная политика демонстрирует, насколько структуры власти и управления способны, с одной стороны, к целенаправленному воздействию на объект регулирования в соответствии с заранее принятыми решениями, с другой — к деятельности в условиях рисков, конфликтного противостояния.

Несомненно, миграционная политика представляет собой не только целенаправленную стратегию государства, но и сложную сеть отношений между поли-

тическими и социальными акторами по поводу проблем миграции. Для миграционной политики, как и для современной социальной жизни в целом, характерна дифференциация ролей различных социальных групп, как мигрантов, так и принимающего сообщества. В то же время разработка и реализация эффективной миграционной политики предполагает процесс интеграции, достижения компромиссов и создания коалиций между различными группами акторов. По сути, формирование миграционной политики включает комплекс процессов социальной дезинтеграции и интеграции.

Таким образом, проведенный анализ социально-теоретических аспектов и особенностей миграционной безопасности подтвердил ее возрастающее значение в формировании государственной миграционной политики, обеспечивающей предупреждение социальных конфликтов в сфере миграций. Для этого миграционная политика должна быть согласована с концепцией национальной безопасности и выступать основанием для различных стратегий — социальной, социокультурной, этносоциальной, культурно-образовательной и воспитательной, информационной — в регулировании конфликтного противостояния мигрантов и членов принимающего общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [2] Гаранин М.Ю. Самозащита в современном обществе. — М.: Гаудеамус: Академический проект, 2008.
- [3] Гельбрас В.Г. Национальная безопасность России: вызов китайской миграции // Миграция и безопасность в России / Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. — М.: Интердиалект⁺, 2000.
- [4] Государственная политика вывода России из демографического кризиса: Монография. В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдарасян / Под общ.ред. С.С. Сулакшина. — М.: Экономика: Научный эксперт, 2007.
- [5] Гудков Л. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. — 2002. — № 3.
- [6] Дробижеева Л.М., Щедрина О.В. Социальные факторы предупреждения экстремизма // Современный экстремизм в Российской Федерации: особенности проявления и средства противодействия. — М.: Академия управления МВД России; Тверь: Триада, 2006.
- [7] Зеленов Л.А. Структура эстетической деятельности (методологический анализ проблемы): Автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. — Свердловск, 1971.
- [8] Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. — 2008. — № 5.
- [9] Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 18 января 2000 г.
- [10] Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. — 2005. — № 2.
- [11] Тер-Акопов А.А. Безопасность человека (теоретические основы социально-правовой концепции). — М.: Изд-во МНЭПУ, 1998.
- [12] Якунин В.И. Формирование государственной политики в современной России: проблемы теории и практики. — М.: РОССПЭН, 2006.

THE MIGRATION SECURITY IN RUSSIAN SOCIETY AMID ETHNIC AND SOCIAL CONFLICTS AGGRAVATION

N.A. Tkacheva

Chair of Social Work
Tyumen State Oil and Gas University
Volodarskogo str., 38, Tyumen, Russia, 62500

National security protection emerges as an indispensable factor for the development of personal-ity, society, and state amid the increasing complexity of international migration processes. The article touches upon the peculiarities of ethnic and social relations between migrants and members of the host country providing insight into the novel category of “migration security”.

Key words: migration, ethnic and social conflicts, migration security.